

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник
1976–1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

В. С. Кузнецов

ШАХ-МАХМУД ибн МИРЗА ФАЗИЛ ЧУРАС. ХРОНИКА.
КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ, ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИЙ,
ИССЛЕДОВАНИЕ И УКАЗАТЕЛИ О.Ф.АКИМУШКИНА.

Издательство "Наука". Главная редакция
восточной литературы. Москва. 1976. 405, 121 стр.

О прошлом той части Центральной Азии, которая ныне входит в состав Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, известно крайне мало. Это относится как к истории общественной, так и духовной жизни. В частности, так обстоит дело со средневековым периодом Восточного Туркестана, или Кашгарии, каковым всеупотребительным названием обозначается этот ареал.

В сравнении с теми странами (Египет, Греция, Китай), чья историческая традиция широко известна не только узким специалистам, но и широкому читателю, Восточному Туркестану не повезло. Здесь не сыскалось авторов, которых зачисляли в ранг "отцов истории", да и письменное наследие исторического характера казалось не только невелико по объему, но и по значимости.

Из сочинений, посвященных истории Моголистана и Восточного Туркестана, наибольшую известность получил труд Мухаммад-Хайдара Дуглата "Тарих-и Рашиди". Описываемые им события не шли далее первой половины ХУІ в. Попытки в известной степени продолжить хронологическую канву "Тарих-и Рашиди" предпринимались, но их никак нельзя признать исчерпывающими или всецело удовлетворительными. Таким образом, вплоть до настоящего времени наличие значительных лагун в воссоздании средневековой истории Восточного Туркестана периода второй половины ХУІ – второй половины ХУІІ в. объясняется недостаточностью источниковедческой базы. В научный оборот был введен очень ограниченный круг произведений, которые не могут претендовать на полноту, а в иных случаях и на достоверность сообщаемых сведений.

В немалой степени упомянутый пробел восполняет "Хроника" Шах-Махмуда б. мирзы Фазила Чураса. Имя его и его сочинение уже не новы для исследователей. Однако сам этот труд на русском языке увидел впервые свет в переводе О.Ф.Акимюшкина. Не ограничившись лишь переводом, он проделал многотрудную, кропотливую работу по составлению научного комментария, по написанию специальных разделов о самом источнике и его авторе.

Скрупулезный анализ приводимых в сочинении данных и их сопоставление дали О.Ф.Акимюшкину основание по-иному, чем прежде, датировать время написания Шах-Махмудом Чурасом своего труда. В частности, академик В.В.Бартольд и другие исследователи отмечали, что "Хроника" была написана в период 1670–1682 гг. Однако О.Ф.Акимюшкин считает, что Шах-Махмуд составил свое сочинение в период между началом 1673 и летом 1676г. (с.62–64). Новая, логично обоснованная, датировка памятника – несомненная творческая удача переводчика и комментатора "Хроники".

Конкретному восприятию событий и деяний определенных лиц, излагаемых Шах-Махмудом Чурасом, уяснению их побудительных мотивов в немалой степени способствуют специальный раздел "Введение в изучение памятника", а также комментарий, пространный и достаточно глубокий (в той степени, насколько это возможно на основании имеющихся источников и литературы).

В своем сочинении Шах-Махмуд воспроизвел важнейшие события бурной внутри- и внешнеполитической жизни Восточного Туркестана. Сведения, сообщаемые в "Хронике", позволяют глубже представить степень развития государственности в средневековой Кашгарии. Данные "Хроники" со всей очевидностью свидетельствуют, что в Восточном Туркестане до его завоевания ойратами, а потом империей Цин существовало единое государство – факт, принципиально важный как в научном отношении, так и политически. Сведения "Хроники" о внутриполитической жизни восточнотуркестанского общества способствуют изживанию такого неверного представления, когда понятие "Восточный Туркестан" нередко воспринимается как географический ареал, а не как определенное государственное образование. В этом плане "Хроника" достаточно обоснованно и убедительно показывает тенденциозность традиционной установки китайской имперской историографии, согласно которой Восточный Туркестан квалифицируется как некий аморфный "мусульманский удел", к которому не применимо понятие "го" – "государство". Но именно Абдаллах-хан, сын Абд ар-Рахим-хана, успешно завершил сорокалетнюю борьбу своего отца за яркендский престол и объединил, хотя и на весьма непродолжительное время, в одно государство обе части Восточного Туркестана.

По своему содержанию "Хроника" выходит за пределы повествования только о собственно Восточном Туркестане и деяниях его правителей. Она представляет собой немаловажный источник и для изучения истории казахских и киргизских владетелей. Сообщаемые о них в "Хронике" данные тем более ценны, что ни казахи, ни киргизы, как известно, не имели своей писаной истории, их сведения о своем прошлом в значительной степени представлены лишь в устной традиции (легенды, сказания, песни). Достоверность же подобного рода источников, учитывая неизбежную гиперболизацию и неадекватность событий их отражения, требует тщательной проверки¹.

Сведения "Хроники" позволяют пролить свет на затемненные страницы истории Джунгарского ханства, игравшего важную роль в жизни народов Центральной Азии. И.Я.Златкин, излагая внешнеполитическую деятельность хана Сенге, обошел молчанием, в частности, вопрос об его политике в отношении Восточного Туркестана². Этот существенный пробел восполняют материалы "Хроники". Как явствует из них, Сенге не только совершал вторжения в Восточный Туркестан, но и назначал здесь правителями угодных ему людей (с.243).

Шах-Махмуд зафиксировал важнейшие сведения о внешнеполитической истории владетелей Восточного Туркестана. Естественно, что он не мог в силу тех или иных причин нарисовать абсолютно полную картину. "Примечательно, и это заслуживает определенного внимания, указывает О.Ф.Акимущин, – что автор "Хронки" ни словом не обмолвился о наличии каких-либо связей, будь то торговые или политические, с минским или цинским Китаем" (с.17). Действительно, это обстоятельство достойно серьезного внимания. Но справедливости ради следует сказать, что, по словам самого Шах-Махмуда, правитель Хами Баба-хан неоднократно выступал в поход против Китая (с.224). Правда, чем заканчивались эти походы, автор "Хроники" не говорит. Более подробные сведения на сей счет содержатся в документах цинского двора. В 6-м году Шунь-чжи (1649 г.), как говорится в них, сын Бабай-хана Тулуньтай захватил Сучжоу и утвердился в нем. Этому непосредственно предшествовало восстание мусульман в Хэси во главе с Дин Го-чжэном. Он же и способствовал воцарению Тулуньтая в Сучжоу. По данным китайских источников, под началом Тулуньтая выступила такая мусульманская ("чалмоносная") коа-

лица: "хунмаохуй" (紅帽回), "хуйхэрхуй" (輝和爾回),
"карахуй" (哈拉回) и "ханьхуй" (漢回)³.

В своем комментарии О.Ф.Акимушкин высказывает предположение, что сообщение китайского источника, использованного П.Пелльо, относительно попытки Тулуньтая взять в 1649 г. Ганьсу ошибочно и, видимо, речь шла о самом Баба-хане (с.312). Китайские источники однако вполне определенно сообщают, что по взятии обратно цинскими солдатами Сучжоу они пленили там Тулуньтая и отрубили ему голову⁴. Среди пленных называют также Дин Го-чжэна, хамиского предводителя Ходжу-Хацзы, старшину "чалмоносцев" Хубофэга. О Баба-хане же ничего не говорится.

По утверждению Шах-Махмуда и как говорится в комментарии О.Ф.Акимушкина, выступлениям правителя Хами против Китая систематически препятствовал владетель Турфана (с.224, 312). Тем не менее среди тех, кого казнили цинские войска, вновь овладев Сучжоу, наряду с хамискими старшинами, упоминается и владетельное лицо из Турфана - Хашикэцзя⁵.

Если Шах-Махмуд и не говорит о наличии контактов (политических, торговых) между правителями Восточного Туркестана с минским двором, домом Цин, то не следует делать вывода, что таковых не существовало вообще. В частности, в 4-м году Шунь-чжи (1647 г.) цинский губернатор Ганьсу Чжан Шан докладывал трону, что в конце правления династии Мин (1368-1644 гг.) хамиский "вэйхуйхэрдуду" поддерживал посольские связи с минским двором⁶. Со стороны владетелей Восточного Туркестана имели место попытки вступить в контакты и с домом Цин. В 8-м году Шунь-чжи (1651 г.) мусульманский старшина Кэбай, прибыв на заставу Цзяюйгуань, от имени правителя Хами говорил о намерении последнего установить посольские отношения с домом Цин. В 10-м году Шунь-чжи (1653 г.) с аналогичным предложением к цинским властям обрелся от имени султана Турфана Сайид-хана его посол Мусуламачабак. Наконец, в 12-м году Шунь-чжи (1655 г.) к цинским властям явился уже упоминавшийся Кэбай с грамотой яркендского хана Адула-хана⁷.

Одному человеку, понятно, не под силу было в равной мере изложить все перипетии бурной и богатой событиями истории средневекового Восточного Туркестана. И когда закрываешь последнюю страницу труда Махмуда Чураса проникаешься глубоким убеждением, что издание его вполне оправдано.

Примечания

¹ Так, например, в "Хронике" упоминается казахский правитель Джаман-гир-хан (с.226), в русских источниках фигурирующий как Янгир-султан. И.Фишер, ссылаясь на изустные предания, писал в своей "Сибирской истории", что в 1643 г. ойратский хан Батур с 50 тыс. войска напал на казахского Янгыр-султана. Последний, имея не более 600 человек, разгромил Батура, положив до 10 тыс. калмыков. "Это чистая Киргиз-Казачья (казахская. - В.К.) сказка", - с основанием заключает Я.Н.Бичурин (Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834, с.55).

² И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М., 1964.

³ Ци Юнь-ши. Хуанчао фаньбу яолюэ. /Б.м./, 1884, гл.15, л.26.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л.2а.

7 Там же, л.26. Кэбай сообщил следующие данные о царствующем в Восточном Туркестане доме. Правители Хами, Турфана, Яркенда – братья. Их отец, Адула-хан, жил в Яркенде; умер давно. У него было девять сыновей. Старший – Абдула-хан, ныне в Яркенде. Второй – Абу-л-Мухаммад-хан жил в Турфане; умер два года назад, и ему наследовал Сайид-хан. Третий – Бабай-хан, правил в Хами, яркендским правителем был заточен в тюрьму, в качестве правителя Хами Бабай-хана сменил сын Абу-л-Мухаммад-хана. Четвертый – Махмуд-султан, живет в Пали (?). Пятый, Шах-хан, жил в Куче, рано умер. Шестой – Исма'ил, живет в Аксу. Седьмой – Ибрахим, живет в Хотане. Ныне яркендский хан является старшим среди братьев. См.: Ци Юнь-ши. Хуанчао ... , гл.15, л.3аб. По весьма категоричному утверждению О.Ф.Акимушкина, информация, которую давали китайским властям жители из сопредельных мусульманских владений о конкретных представителях правившей в Восточном Туркестане фамилии, не всегда была достоверной. В частности, вместо одного правителя Турфана и Чалыша Султан-Са'ид-Баба-хана появилось два правителя: Султан Са'ид и Баба-хан (с.15). Однако в 10-м году Шунь-чжи (1653г.) турфанский посол Мусуламачабак представил цинским властям грамоту, на которой стояла подпись: "Султан-Сай'ит-хан" (см.: Ци Юнь-ши. Хуанчао ... , гл.15, лл. 26-3а). Сомнительно, чтобы в грамоте была опущена часть имени "Баба".